

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 12

1986

Петр ГРАДОВ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

ДОБРОТА

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 12

Петр ГРАДОВ

ДОБРОТА

Стихи

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1986

Петр ГРАДОВ

Петр Михайлович Градов родился в 1925 году на Украине. Детство и юность прошли в Ленинграде, где во время блокады он был санитаром военного госпиталя. Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалью «За оборону Ленинграда».

Первые стихи были напечатаны в 1944 году в армейской газете. После войны стихи, песни, статьи, очерки Петра Градова печатали «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Литературная газета», «Советская культура», «Литературная Россия», «Новый мир», «Знамя», «Москва», «Дружба народов», «Юность», «Огонек», «Смена». Вышли из печати сборники стихов — «Чебоксарская пристань», «Все равно ты со мной», «Не забуду», «Любовь моя — Волга», «Вспоминаю каждое свидание». На стихи поэта написано много песен, среди них — «Легендарный Севастополь», «Мы — коммунисты», «Пропел гудок заводской», «Родимая сторонка», «Байкало-Амурская», «Облака», «Вальс влюбленных». В 1973 году П. Градов стал лауреатом Всесоюзного конкурса песни (первая премия).

В драматических и музыкальных театрах страны поставлены пьесы Петра Градова — «Разные люди», «Предел моих мечтаний», «С первого взгляда», «Королева красоты», «Черная береза», «Я или море», «Ради этого дня», «Любушка». В издательстве «Советский писатель» вышел сборник пьес «Опасное задание».

У П. Градова более двадцати книг стихотворных переводов. За эту работу он был награжден высшим орденом КНДР — «Государственного знамени I степени», ему присвоили почетное звание «Заслуженный работник культуры ЧАССР».

За участие в культурной программе Московской Олимпиады в 1980 году Петр Градов награжден орденом «Знак Почета».

Член КПСС.

ДОБРОТА

Я говорю себе —
не поддавайся,
будь верен
назначенью своему.
Я говорю себе —
не продавайся
ни ангелу,
ни черту —
никому.

Есть недруги,
ты их остерегайся.
Страшней всего,
пожалуй, суета.
Есть верный друг,
ты с ним не расставайся —
не слава,
не успех,
а доброта.

Ты ей служи,
усталости не зная,
и не о громкой славе
думай ты.
Все говорят,
что нефти не хватает,
а не хватает в мире
доброты.

* * *

Писать о жизни
или просто жить
той жизнью,
о которой ты намерен
поведать людям?..

Или ты уверен,
что без твоей строки
не может быть
и жизни той —
с пылающим рассветом
и пением горластых петухов...
Но если, друг мой,
без твоих стихов
останется все так же
в мире этом,
какой в них смысл?
Об этом должен каждый
спросить себя,
кто взялся за перо.
Строчить за рифмой рифму
не хитро.
И сам я это делал
не однажды.
Но вот о чем
задумался давно —
от тех стихов
какая польза людям?..
Нет, мы преувеличивать не будем —
не всем
на мир воздействовать дано.
Я о другом...
О том, чтобы дошли
твои стихи,
полны дыханьем века,
до одного хотя бы человека
и в трудную минуту помогли.

Б Л О К А Д А

ВИНОВАТА ОНА — БЛОКАДА

Если хочется мне
иногда помолчать
среди шума,
веселья
и радостных взглядов,—
это прошлое
в дверь постучалось опять.
Виновата она —
блокада.

Если я с той поры
ничего не боюсь
(а чего мне бояться,
вернувшись из ада?),
если коркой последней
всегда поделюсь,
виновата она —
блокада.

Если в тридцать четыре
инфаркт у меня, —
все в порядке вещей,
удивляться не надо.
Понимают друзья,
понимает родня:
виновата она —
блокада.

Верю в дружбу людскую.
Любая беда
перед нею — ничто
и любая преграда.
Эта вера во мне
с той поры
навсегда.
Виновата она —
блокада.

НА ПРОСПЕКТЕ МАЙОРОВА

Иду я в свой госпиталь
в ночной тишине
и вижу — о господи! —
не снится ли мне?

Война еще, кажется,
гремит над землей.
Кому это пляшется
на той мостовой?

Проспекта Майорова
узнать не могу.
Как пляшут-то здорово
они на снегу!

Выходит с частушкою
девчонка одна.
А с виду старушкою
казалась она.

Пальто подпоясано
солдатским ремнем.
Как бабка, повязана
крест-накрест платком.

Лицо закопченное.
Глазищи на нем —
как звезды зеленые
на небе ночном.

Да это не чудо ли?
И что ей война!
Со злостью и удалю
пляшет она.

— Скажи ты мне, девушка,
с чего это вдруг?
— Прибавили хлебушка.
Прибавили, друг!..

Я в суতোлке уличной
стою у ворот,
смотрю, как у булочной
пляшет народ.

Солдатские дочери
и жены солдат
забыли про очередь,
в которой стоят,

плясали с дробушками
под старый мотив,
своими частушками
перспект разбудив.

В них город свой славили,
грозили врагам!..
А хлеба прибавили
семьдесят
пять
грамм.

МАТЬ

Давно я знал,
что ты святая,
но одного я знать не мог —
что, нас от голода спасая,
ты отдавала свой паек.

Об этом никому.
Ни разу.
Об этом знала ты одна.
И умерла.
Погибла сразу,
как только кончилась война.

Искать виновников не надо.
Все знают их.
К чему искать?
После войны
тебя блокада
сумела все-таки догнать.

Но ты жива.
Ведь ты — святая.
Тебе сегодня признаюсь,
что я, богов не признавая,
как прежде,
на тебя молюсь.

* * *

Перед тобой
мы все в долгу,
все — и отец, и я, и сестры.
О, как же в жизни
все не просто!..
Хочу понять
и не могу.

Тебя с младенчества любил.
И знаю —
ты нас всех любила.
Но почему же у могилы
я о прощении молил?

За что прощение?
Не скрою —
и сам не знаю,
хоть убей.
Но, видно,
до последних дней
не будет
на душе покоя.

Быть может,
сам себе не смею
признаться в том,
что не смогли
сберечь тебя,
хоть берегли?..
Твоя любовь
была сильнее.

* * *

Ты нас учила,
что старанье
не помешает никому.
Два класса —
все образование,
и академик по уму.

Все знала ты
и все умела,
и в шутку толковала сны,
и задушевно песни пела,
стихи писала..
До войны.

В беде и в радости —
мы вместе,
надеясь, веря и любя.
И все стихи мои и песни —
всё от тебя,
всё от тебя.

* * *

Удивительно стряпать умея,
нам варила
кормилица наша
холодец

из столярного клея.
а по праздникам —
пшеничную кашу.

Грусть, тоска
были ей незнакомы,
иль скрывала
свое настроенье.
Мы отца и не видели дома —
на казарменном он положенье.

Лишь однажды пришел.
Это было
в праздник.
Больше не помню такого.
Мама кашу
в тот день и сварила
нам на всех
в котелочке литровом.

Помню,
как у печурки сидели,
запах каши
опять вспоминаю.
Впятером
эту кашу мы ели,
торопливость в себе
подавляя.

Санитарам
платили не слишком,
но помочь
мог я только деньгами.
Как тростинка
худющий мальчишка
приносил
всю зарплату я маме.

Мама...
Как же была она рада
в день,
когда в нашем доме узнали,
что и мне и отцу
за блокаду
как солдатам
вручили медали.

Я сегодня
подумал с печалью —
надо было,
по совести надо
наградить
той высокой медалью
маму.
Всех Матерей Ленинграда.

У ТАВРИЧЕСКОГО ДВОРЦА

Попадал я не раз
в артобстрел.
И привык,
не сдавали нервы.
Все забыл.
Но забыть не сумел
артобстрел
в ноябре.
В сорок первом.

У Таврического дворца,
у широкой его колонны —
женский крик!..
Я не помню лица.
Только помню
тот крик
иступленный.

На руках — малыш.
Он молчит.
Я сперва
и не понял толком —
почему молчит?
Он убит.
У нее на руках.
Осколком.

И хотя это было давно,
не могу забыть
о мальчишке.
Помню,
как проступало пятно
алой крови
на сером пальтишке.

А она кричала!..
Во мне
этот крик
без единого слова.

...Снова
слышу я о войне.
Этот крик
вспоминаю снова.

ЛАДОГА

Как дети рады мы —
сегодня нам
идти по Ладоге
на Валаам.

Спокойна Ладога,
как день светла.
Недаром радуга
вчера была.

Залив кончается,
идем вперед.
Едва качается
наш теплоход.

Я знал, не надо бы
мне в день такой..
Но вспомнил Ладогу
совсем другой.

Пора блокадная.
Метель метет.
Трещит на Ладоге
под нами лед.

И снова вижу я
сквозь толщу лет —
машины движутся,
погашен свет.

И все тревожнее
шумит брезент.
Бомбежка может быть
в любой момент.

И начинается
ночной налет,
и содрогается
от взрывов лед.

И мы обязаны
куда-то в ночь,
как нам приказано —
с дороги прочь.

С путей накатанных,
а там кругом
воронки спрятаны
под тонким льдом.

Воронки новые.
И не одна.
И стометровая
там глубина.

Встает вдали рассвет.
Утих налет.
Одной машины нет —
ушла под лед.

Мы знаем — дети там.
Ушли во мрак.
И не спасти их нам.
Никак. Никак.

Забылось многое,
что пережил,
но ту дорогу я
не позабыл.

Войны далекой тень
упала вдруг
на этот мирный день,
на все вокруг.

...Мы возвращаемся,
и грустно нам.
С тобой прощаемся
мы, Валаам.

На светлой Ладоге
утих норд-ост,
и снова радуги
волшебный мост.

Мост нашей памяти
встал на заре
как будто памятник
той детворе.

ПЕСНЯ

Идут солдаты,
пылят вдаль...
И мы когда-то
вот так же шли.
В жарнице адской,
в пыли густой
шел наш солдатский
походный строй.
Наш взвод на марше
не первый час.
Как коршун, старший
глядит на нас.
Ребячьи лица.
Еще птенцы.
И он годится
нам всем в отцы.
Шинель так строго
сидит на нем.
Команда: «Ногу!»
И мы даем.
Я — из блокады.
Едва живой.
А старший рядом
идет со мной.
Бойцов немало.
Мы все друзья.
Здесь запевалой
назначен я.

Да, да, назначен.
Приказ такой.
А это значит —
умри, но пой.
Как сердце бьется...
Не отставай.
И раздаётся
вдруг: «Запевай!»
Иду, шатаюсь.
В глазах темно.
Запеть пытаюсь,
пытаюсь, но...
Я про усталость
забыть бы мог.
Нужна мне малость —
воды глоток.
При каждом шаге
в уме — одно,
да только фляги
пусты давно.
О старшем каждый
во взводе знал —
приказ он дважды
не повторял.
«Ну что, блокада,
силенок нет?»
Ответить надо.
Молчу в ответ.
И вдруг я слышу —
он сам поет.
Октавой выше.
Мотив не тот.
Запел, раз нужно,
один за всех.
Раздался дружный
солдатский смех.
Никто заметить
и не успел
за смехом этим,
как я запел.
Уже не строго,
в ключе ином,
команда: «Ногу!»
И мы даем.

Он снова рядом
со мной сейчас
и добрым взглядом
глядит на нас.
И я под взглядом
сияю весь.
«Ну что, блокада,
силенки есть?»
Я точно знаю —
силенок нет,
но я киваю
ему в ответ.

ВСПОМИНАЮ КАЖДОЕ СВИДАНИЕ

* * *

«Когда уходит женщина...»

Е. Винокуров

Когда уходит женщина,
никто ей не судья.
Когда уходит женщина,
винить ее нельзя.

Она уже уверена,
что счастье впереди.
Она уже потеряна,
назад ее не жди.

Закон далекой древности
и правило мое —
хоть умирай от ревности,
но не держи ее.

Когда уходит женщина,
бессмысленны слова.
Когда уходит женщина,
она всегда права.

А я-то думал,
вы счастливая,
когда одна
на склоне дня
вы шли —
такая горделивая
и не взглянули на меня.

А я-то думал,
вы счастливая,
я думал,
вы счастливей всех,
когда смотрел
в глаза игривые,
когда веселый слышал смех.

Глаза то нежные,
то строгие,
но в них тревога,
в них беда.
Наверно,
вас любили многие.
Вы не любили.
Никогда.

И мысль одна
неодолимая
вам не дает ни спать,
ни жить —
что это мало —
быть любимой,
что надо любящею быть.

Нарядны вы.
А лучше б в рубище
вас нарядила жизнь сама,
но дав взамен
блаженство любящей
самозабвенно,
без ума.

На вас глядят глаза влюбленные.
Им не понять издалека,
что в вас тоска неутоленная,
святая женская тоска.

Ее не всем понять —
звереныша.
Она не каждому видна.
В глазах —
на самом-самом доньшке
тревожно светится она.

Да можно ли так жить,
и надо ли —
не ощутив огня в крови,
не закричав от дикой радости,
не задохнувшись от любви?

Прямая,
гордая,
красивая...
Я слышу ваш веселый смех.
А я-то думал,
вы счастливая.
Я думал,
вы счастливей всех.

ЕСЛИ ЖЕНЩИНА ИЗМЕНИЛА

Нас любимые судят строго,
но потом
теплее их взгляд.
Все на свете
простить нам могут.
Угасанья любви
не простят.

И не той,
над землей парящей,
а земной,
что в глубинах глаз.
Если нет ее —
настоящей,
караулит измена нас.

Милых женщин
понять не в силах
величайшие в мире умы.
Но, коль женщина изменила,
в чем-то все же
виновны мы.

Кто-то скажет —
не так всё просто,
зря, мол, я их боготворю.
Но ведь я
не о вертихвостках,
я о женщине
говорю.

ПРИГОВОРЕННЫЕ К ЛЮБВИ

Той августовскою порою
уже не пели соловьи.
Шли по лесной дороге двое,
приговоренные к любви.

В молчанье шли.
Слова любые
приговоренным не к лицу.
Стояли сосны вековые,
как часовые на плацу.

А звезды,
что зажглись над бором,
счастливей не видали глаз,
и об отмене приговора
никто не думал в этот час.

Если расстанемся с тобою,
приду.
Ты только позови.
Мне не забыть,
как шли мы двое,
приговоренные к любви.

* * *

Промчались надо мной,
как журавли трубя,
шестнадцать лет с тобой,
двенадцать без тебя.

Шестнадцать лет любви,
какой и в книгах нет.
Двенадцать лет тоски,
когда не мил весь свет.

На памятнике ты
осталась молодой.
Я все ночь цветы,
любимые тобой.

И, на траву присев,
смотрю двенадцать лет
на белый барельеф
и все не верю.
Нет!

БЕЗ ТЕБЯ

Не могу,
не хочу,
не умею
жить без тебя
на свете.
Без тебя
и солнце не греет,
без тебя
и звезды не светят.
Даже птицы
и те немеют,
если с моря
холодный ветер.

Не могу,
не хочу,
не умею
жить без тебя
на свете.
Нет тебя. А люблю все сильнее.
Все равно ты со мной.
Ты в детях.

Не могу,
не хочу,
не умею
жить без тебя
на свете.

* * *

В Москве
я был в то время мало,
и, как назло,
так много дел.

С Урала —
прямо в Сортавалы.
К тебе заехать
не успел.
Ну, ладно,
если б за три моря.
Был рядом —
у карельских скал.
...И с камня,
черного, как горе,
твой белый барельеф
упал.
Любимая,
не зря ты виделась
мне по ночам.
Скажи на милость!..
Я понимаю —
ты обиделась.
Упала.
Чудом не разбилась.

— Прости, прости! —
твержу упрямо
и вижу,
вижу наяву
не барельеф,
не белый мрамор —
тебя,
упавшую в траву.

* * *

Вспоминаю
каждое свидание,
вспоминаю
каждое мгновение.
Ты всегда со мною,
как дыхание.
Ты со мною,
как сердцебиение.

ВДАЛИ ОТ РОДИНЫ

* * *

Барселона.
Смотрю, затаив дыхание,
смотрю
и думаю об одном —
неужели я
на земле Испании,
той самой,
что с детства в сердце моем?!

Барселона.
В вечерней стою тишине
там, где люди проходят
в суровом молчании,
у колонны
погибшим в Гражданской войне
республиканцам погибшим
кланяюсь.

Барселона.
Теперь и во сне тебя вижу —
от шумных проспектов
до улочки узкой.
Тебя я назвал бы
испанским Парижем,
а можно Париж —
Барселоной французской.

Барселона.
Шофер из интербригады,
седой мужчина
высокого роста,
провожает нас
добрым и грустным взглядом.

Камарада,
и нам расставаться непросто.
Барселона,
кончаю прощальные строфы.
Все, что видел,
забуду, наверно, не скоро.
Никогда не забуду я
ленинский профиль
на значке
у того, у седого шофера.

ПЛАС ПИГАЛЬ

Меня знакомый мой спросил,
знаток Парижа «тонкий»:
— На плас Пигаль, надеюсь, был?
Что, хороши девчонки?

Да, дважды был и видел их.
Да, видел в самом деле
и юных, и немолодых,
стоящих на панели.

Они — девицы с плас Пигаль.
У них всю ночь работа.
Сказать по правде, было жаль
мне тех ночных красоток.

Все франки, весь ночной их сбор,
больших забот не зная,
все получает сутенер,
их истинный хозяин.

А тех, кто вздумал утаить
полученное ночью,
до полусмерти будут бить,
запугивая прочих.

Меня спросил знакомый мой:
— Скажи, но только честно,
Пигаль — ведь это рай земной?
Нет веселее места?!

А я, себя лишая сна,
всю ночь брожу и вижу:
ох, до чего она грустна —
ночная жизнь Парижа.

Я вижу полных и худых,
и в шортиках, и в шубах,
и неизменно озорных,
и откровенно грубых.

Извольте, здесь на вкус любой!
В любом, извольте, виде!
Только веселой ни одной
на плас Пигаль не видел.

Словно вокруг дремучий лес.
В глазах одно — забота.
Любовь — не чудо из чудес.
Для них она — работа.

Старик с улыбкой мертвеца,
кретин с тупою рожей,
осоловевший от винца, —
любой купить их может.

И неотступно мысль одна
вонзалась в сердце остро:
ведь эта — чья-то дочь она,
и эти — чьи-то сестры.

Чужой была мне эта даль
и переулки эти.
Грустнее места, чем Пигаль,
я не встречал на свете.

Нет, я, поверьте, не ханжа,
что поучает строго.
Мне просто было очень жаль
тех женщин. Жаль, ей-богу.

Они и в дождик проливной
там на панели мокли...
Я дважды видел «рай земной»,
и будь он трижды проклят.

РЕКЛАМА

На шумном рынке в А́рле
я встретился случайно
с худым высоким парнем,
живым необычайно.

Тот парень долговязый
стал символом рекламы.
Одни и те же фразы
он повторял упрямо.

Выкрикивал он четко:
— Не будете в обиде!
Нигде подобной щетки
никто еще не видел!

И девушки-красотки,
и взрослые, и детки —
все покупайте щетки
из проволочной сетки!

Измазав ватой брюки
и не сказав ни слова,
берет он щетку в руки:
— Э, де, труа! — Готово.

И, улыбаясь мило,
он кланяется низко.
Вся вата в щетке скрылась,
а брюки, как из чистки.

И снова, снова четко:
— Не будете в обиде!
Нигде подобной щетки
никто еще не видел!

С усердьем попугая
кричит. И для примера
кусок сукна бросает
на белый лист фанеры

и на сукне зеленом
танцует в ритме твиста,
танцует исступленно,
он, как шаман, неистов.

За твистом шейк, чечетка.
Сукно он топчет снова.
Потом три взмаха щеткой:
— Э, де, труа! — Готово.

Сукно над головою.
Оно, как прежде, чисто.
Зеваки дружным хором
приветствуют артиста.

Вполне доволен зритель,
он хлопает в ладоши.
И дышит исполнитель,
как загнанная лошадь.

С УЛЫБКОЙ

МЫЛЬНЫЙ ПУЗЫРЬ

Говорят,
что когда-то был он
туалетным
дешевым мылом.
На оберточке
были лилии
в тихом озере
возле скал.
Так как шеи
частенько мылили,
он из мыла
обмылком стал.
Был он скромн
на вид и прост.
А потом
получил он пост.
Как пролез,
как все это было,
я не знаю.
На то и мыло.
Пост был маленький,
незавидный,
для кого-то,
наверно, обидный.
Раньше пост
занимало шило.
Ну, сменили
шило на мыло.
Для обмылка
то был успех!
И тогда,
на глазах у всех,
он о мыльнице
позабыл,
никого уже
и не мыл,
он смывался
от всяких дел,
только пыжился
и сопел.
Он раздался

мгновенно вширь,
он раздулся,
как мыльный пузырь.
И с тех пор
он права качает
от зари
до другой зари.
Позабыл, видно,
чем кончают
эти мыльные
пузыри.

ПОВОДЫ

Я называть по имени
не буду.
Любой из вас
встречал таких людей.
Он говорил мне:
«Повод есть повсюду,
ты только
разглядеть его сумей».
Он пьет под Новый год,
на то и вьюга.
Ну, и, конечно,
в старый Новый год.
На день рождения
родственника, друга,
всех сослуживцев...
Кто их перечтет?
И в феврале, конечно,
с двадцать третьего
он начинается.
Месяц небольшой,
и, несмотря на это,
ты отметь его.
Не как-нибудь,
а широко, с душой!
А в марте
начинается все снова.
Он пьет,
уже не покидая стол,
с восьмого марта
до двадцать восьмого!..
Так уважает он
прекрасный пол.

Он в трудный час
всегда тебя уважит —
сочувствие короткое
пришлет.
Пусть он с покойным
не знаком был даже,
а на поминки
все-таки придет.
Во время похорон
узнает имя
и скажет:
«Был мне Саша всех родней!»
И будет пить с чужими,
как с родными,
он и на девять,
и на сорок дней.
Есть дни людей,
достойных уважения,—
геолога, нефтяника, строителя...
Все дни до одного,
без исключения,
он отмечает.
Ну и день учителя,
день рыбака
и день артиллериста,
поскольку друг знакомых
там служил,
день лесовода,
химика,
танкиста,
поскольку чей-то дядя
танк водил.
Ему однажды
выпить предложили
без повода.
Прогнал всех со двора.
Узнав, что был
день взятия Бастилии,
он пил
за штурмовавших
до утра.
Считает он,
что пьянка — увлечение,
а поводы —
они текут рекой.

Пора его
отправить на лечение.
Мне кажется,
есть повод.
Да какой!

ЗА ЧТО?!

Как-то мы вчетвером
собрались за столом.
Все — мужчины.
Болтали о том и о сем.

А потом в разговоре
наметилась нить —
как умеют
нас милые жены пилить.

Первый
тему с одной стороны
осветил:
«Пилы — разные все.
Сколько жен,
столько пил.

Вот моя, как ножовка.
Себя бережет —
попилит, отдохнет
и по новой начнет».

«Это что! — очень мрачно
заметил второй,—
с электрической вы
не знакомы пилой.

В сеть моя подключится —
о боже ты мой!
Напряжение такое,
что я — чуть живой!»

Третий тихо вздохнул.
Был он молод, но сед.
«Мне бы ваши заботы,
не знал бы я бед.
Что ножовка!..
Что сеть!..
Я мечтал бы о том.
Ведь меня-то моя
пилит с тещей вдвоем.

Пилят так,
что трещит у меня голова.
Перепилят,
и сразу колоть —
на дрова!♦

Я сказал,
что моя
не умеет пилить.
Не поверили:
«Врешь!
Да не может так быть!»♦

Я доказывал им,
что способна она
налететь ураганом,
шуметь,
как волна,
все спалить,
как пожар,
не оставив следа!..
Это может она.
Но пилить —
никогда.

На меня с подозреньем
смотрели друзья.
И себя ущемленным
почувствовал я.

И обида растет моя
день ото дня.
Пилят всех!
Так за что ж ты
не пилишь меня?!

КОЗЕЛ

В санатории хвастался
кареглазый пижон —
сколько женщин прекрасных он
покорил за сезон.

Ни в кино, ни на лекцию
не ходил удалец,
собирая коллекцию
покоренных сердец.

Все подробно рассказывал
тот болтливый козел,
даже пальцем показывал —
с кем он время провел.

Кто мужчина по званию,
а не только на вид,
с кем он был на свидании,
свято в тайне хранит.

Не свернется улиткою,
только будет молчать,
имя даже под пыткой
не посмеет назвать.

Имя той, с кем недлинную
он дорожку прошел...
Так ведь то про мужчину я,
а ведь этот — козел.

Я ВЛЮБЛЕН!

Я давно, друзья, женился,
у меня семья.
Но недавно вдруг влюбился,
как мальчишка, я.

На мечту она похожа,
лучше в мире нет,
и меня она моложе,
ох, на много лет.

Думы все о ней и мысли,
к ней всегда спешу,
я ее в буквальном смысле
на руках ношу.

Признаюсь в любви ей снова,
а она молчит
и в ответ пока ни слова
мне не говорит.

Улыбается при этом
уголками глаз
и меняет туалеты
в день по десять раз.

Я влюблен! Молчать не в силах,
петь готов о ней!..
Ну, а ей, Танюшке милой,
ровно десять дней.

Улыбается при этом
уголками глаз
и меняет туалеты
в день по десять раз!

* * *

«Вот стихи, а все понятно,
Все на русском языке...»

Твардовский

И простота
должна быть с глубиной.
Я не за то,
чтобы писали гладко.
Но ребусы,
заумные загадки...
Мне по душе,
признаться, стих иной.

Вот ведь стремятся —
как бы посложней,
чтоб людям смертным
было непонятно.
Порой оригинально и занятно,
но для кого?
Для избранных людей?..

«Служу народу!» —
полагает тот,
кто пишет все мудреней
год от года.
Какое тут служение народу,
когда народ
ни строчки не поймет?!

А Пушкина
ребенок понимает,
и юноша любой,
и старики...
И гениальность
пушкинской строки
понятым быть
поэту не мешает.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Доброта	3
•Писать о жизни...»	3

БЛОКАДА

Виновата она — блокада	4
На проспекте Майорова	5
Мать	7
•Перед тобой мы все в долгу...»	7
•Ты нас учила...»	8
•Удивительно стряпать умея...»	8
У Таврического дворца	10
Ладога	11
Песня	13

ВСПОМИНАЮ КАЖДОЕ СВИДАНИЕ

•Когда уходит женщина...»	15
•А я-то думал, вы счастливая...»	16
Если женщина изменила	17
Приговоренные к любви	18
•Промчались надо мной...»	18
Без тебя	19
•В Москве я был в то время мало...»	19
•Вспоминаю каждое свидание...»	20

ВДАЛИ ОТ РОДИНЫ

•Барселона...»	21
Плас Пигаль	22
Реклама	23

С УЛЫБКОЙ

Мыльный пузырь	25
Поводы	26
За что?!	28
Козел	29
Я влюблен!	30
•И простота должна быть с глубиной...»	31

Петр Михайлович ГРАДОВ

ДОБРОТА

стихи

Редактор М. М. Жигалова.

Технический редактор О. Н. Ласточкина

Сдано в набор 21.12.85. Подписано к печати 19.02.86. А 00635. Формат 70×108^{1/32}.
Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд.
л. 1,75. Усл. кр.-отт. 1,58. Тираж 80 000. Изд. № 591. Зак. № 2147. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ДЛЯ ВАС, КНИГОЛЮБЫ!

В книжных магазинах книготоргов и потребсоюзов Российской Федерации книги можно не только купить, но и приобрести их по выигрышным билетам Всероссийской книжной лотереи.

Стоимость билета — 25 копеек. Сумма выигрыша (50 копеек, 1, 3 и 5 рублей) указана на внутренней стороне запечатанного билета.

Вероятность выигрыша велика, так как из каждых 200 билетов — 69 выигрышных!

По выигрышным билетам можно приобрести любую книгу или другие печатные издания по своему выбору из наличного ассортимента книжного магазина или киоска.

Если сумма выигрыша меньше стоимости выбранной вами книги, можно произвести доплату наличными деньгами.

Прочитанные книги вы можете предложить книжным магазинам для повторной продажи. Этим вы окажете добрую услугу другим книголюбам.

**Росглавкнига
Дирекция Всероссийской
книжной лотереи**